

В этот раз съемки проходили в старинном замке. Мессер лично объяснял Юй Няню концепцию рекламного ролика:

— Первые десять секунд видео: ты возвращаешься после верховой езды или рыбалки, одетый в повседневную одежду, за рулем спортивного кабриолета. И — вжик! — машина эффектно тормозит перед парадным входом в замок.

Объясняя, Мессер набрасывал хаотичные эскизы на бумаге:

— Затем ты снимаешь солнцезащитные очки, выходишь из машины и следуешь за слугой в гардеробную. Снимаешь рубашку, служанка помогает тебе переодеться во фрак, повязывает галстук-бабочку, надевает запонки и часы.

— Стены длинной галереи, которую мы только что проходили, мы сплошь завесим картинами маслом. Ты пройдешь по этой галерее к банкетному залу, и лакеи у дверей распахнут их перед тобой. — Мессер жестикулировал зажатым между пальцев карандашом. — В момент, когда двери откроются — бам! Перед глазами предстанет роскошная, сияющая хрустальная люстра! Сводчатый потолок, расписанный фресками, и море огней! Картинка будет сказочной. И все вокруг — будь то джентльмены во фраках или знатные дамы, прикрывающие лица перьевыми веерами, — склонят головы и расступятся, уступая тебе дорогу!

С этими словами Мессер с силой хлопнул Юй Няню по плечу:

— С твоим благородством ты определенно вытянешь этот образ!

— Я сделаю все, что в моих силах, — пообещал Юй Нянь. Говоря это, он заметил даму, о которой упоминал Мессер. Она сидела неподалеку под белым солнцезащитным зонтом. На вид ей было за шестьдесят. Одета в черное трикотажное платье и жемчужные серьги, она выглядела безупречно: аккуратно уложенные седеющие волосы, сумочка чинно лежит на коленях.

Мессер тоже заметил ее взгляд и понизил голос:

— Не обращай внимания, просто води себя естественно.

В банкетном зале всюду шли декорационные работы: Мессер требовал безупречно воссоздать атмосферу придворного бала. Поэтому пока Юй Няню нужно было лишь в повседневной рубашке, шортах и солнцезащитных очках раз за разом подгонять спорткар к парадному входу по подъездной дорожке.

Одну только эту сцену снимали до самых сумерек, а наблюдавшая за ними дама в какой-то момент незаметно ушла. На следующий день Юй Нянь прибыл на съемочную площадку вовремя. Она уже сидела под своим зонтом. Юй Нянь вежливо кивнул ей в знак приветствия, и она ответила на его жест.

Во второй половине третьего дня съемки закончились рано. Когда Юй Нянь сел в машину, Мэн Юань с удивлением спросил:

— Госпожа «Дебор» сегодня снова приходила?

— Да, приходила. Ушла всего на полчаса раньше меня. — Юй Нянь отпил воды, чтобы утолить жажду, и продолжил: — Но режиссер Мессер сказал, что завтра ее, скорее всего, не будет, и просил меня не волноваться.

— Честно говоря, даже я разволновался. Она наблюдала целых три дня, и непонятно, есть ли какой-то результат. — Мэн Юань потер подбородок. — В отечественных СМИ появились новости: опубликовали фотографии Чжэн Чжаоси, ужинающей с региональным менеджером «Дебор». Похоже, атмосфера там была весьма дружеской.

Он постучал пальцами по рулю:

— Если честно, мне бы очень хотелось, чтобы ты заполучил контракт с «Дебор». Одного бренда «Херси» маловато. Раз уж госпожа Удача улыбнулась тебе, вдруг действительно все получится!

— Получу — мое счастье, упущу — значит, не судьба.

— Тоже верно, нечего попусту переживать. — Мэн Юань взглянул на часы. — Куда ты собираешься теперь?

— Навещу одну старшую родственницу. — Заметив, как Мэн Юань беззвучно шевельнул губами, Юй Нянь кивнул: — Да, именно Фэн Тунби.

Поскольку Юй Нянь позвонил заранее, к его приезду Фэн Тунби уже ждала у ворот двора. Она переоделась и сменила украшения, выглядела опрятно и изысканно. Увидев Юй Няня, она заглянула ему за спину:

— А твой молодой человек не приехал?

Юй Нянь слегка поклонился и ответил:

— Да, он ушел на банкет, так что сегодня я приехал один.

Фэн Тунби хмыкнула:

— Что ж, проходи. Я собрала в саду свежие розы и приготовила розовые пирожные, попробуй.

Юй Нянь замедлил шаг и пошел за Фэн Тунби в дом. На столе уже стояла чашка чая и тарелка с выпечкой.

Вымыв руки, он попробовал угощение. Насыщенный цветочный аромат раскрылся во рту, и Юй Нянь восхитился:

— Очень вкусно! Точь-в-точь как пирожные с жидкой розовой начинкой, которые я ел в детстве!

В уголках глаз Фэн Тунби собрались лучики смеха:

— Давно их не готовила, хорошо, что вкус удался. — Она твердой рукой налила ему чаю. — На чем мы... остановились в прошлый раз?

Юй Нянь отложил пирожное и серьезно ответил:

— Мы сравнивали «Записку о бессоннице» и «Черновики моления о небесной добродетели».

— Точно, совсем память подводит! — Фэн Тунби промокнула уголки губ платком и неторопливо спросила: — И в чем же, по-твоему, ценность «Черновики моления о небесной добродетели»?

Юй Нянь тщательно обдумал слова, прежде чем ответить:

— История нашего народа уходит корнями в глубокую древность. Но если вчитаться в нее внимательнее, то понимаешь, что это история правителей, полководцев и министров, но никак не простых людей. Каждый человек — лишь песчинка, но летописцы смотрели на события с высоты, сквозь призму взлетов и падений династий, величия или гибели государств. Те же, кто находился на самом дне общества, неизменно оставались незамеченными.

Фэн Тунби внимательно слушала:

— Продолжай.

Юй Нянь обхватил пальцами чашку чая:

— Но с «Черновиками моления о небесной добродетели» все иначе. В годы правления под девизом Тяньдэ эпоха процветания «Шэнши» рухнула в одночасье: повстанцы подняли знамена, повсюду запылали пожары войны, обрекая народ на неисчислимые бедствия. Тогда правитель Ляочэна по имени Фэнчжо поклялся защищать город до последнего вздоха и ни за что не сдаваться врагу, а простые горожане поклялись жить и умереть вместе со своими стенами.

— На двенадцатый день осады назад принесли тела нескольких простых солдат, погибших под градом стрел. Фэнчжо, ставший свидетелем этой картины, преисполнился горя и гнева. Тогда он и написал эти строки, моля небо явить милость и даровать покой пострадавшему народу. В своем черновике он благоговейно записал имена этих простых воинов и с горечью провозгласил: когда земля омывается кровью, а власть переходит из рук в руки, больше всех страдает простой народ.

Сделав глоток теплого чая, Юй Нянь продолжил:

— Обрывок древней бумаги, даже с безупречно красивым почерком, остается лишь обрывком, которому чудом удалось уцелеть за тысячу лет. Но вложенные в него мысли, чувства, слезы, кровь и сама история — вот истинная причина, почему его немеркнущий свет сияет сквозь тысячелетия.

В комнате воцарилась тишина. Лишь спустя долгое время Фэн Тунби спросила Юй Няня:

— Ты наелся?

Юй Нянь кивнул:

— Да, спасибо.

Фэн Тунби поднялась с места:

— Прогуляешься со мной по окрестностям?

Юй Нянь поспешно встал вслед за ней:

— С удовольствием.

Они немного прошли по небольшому скверу, заглянули в пекарню за хлебом, и всю дорогу беседовали о детстве Юй Няня. Когда сгустились сумерки и они вернулись домой, Фэн Тунби опустилась на диван и спросила Юй Няня:

— Ты ведь знаешь, кто я?

— Да. В детстве дедушка рассказывал мне, что семья Фэн из Цзиньчэна славится своей безупречной репутацией и благородными традициями, которые не угасают уже много поколений.

— Ты очень умен. Значит, догадываешься, зачем я тебя позвала?

Присев напротив Фэн Тунби, Юй Нянь кивнул:

— Да.

Фэн Тунби словно погрузилась в воспоминания, ее голос зазвучал мягче, с легкой грустью:

— В годы моей юности наша семья переживала расцвет, я ни в чем не знала нужды. Позже я вышла замуж за любимого человека из равной нам семьи. Но он ушел молодым, перед смертью наказав мне жить дальше. С тех пор я и живу совсем одна. В этом году я все отчетливее чувствую, что мне осталось недолго. Кто знает, может, в один прекрасный день я просто не проснусь.

Юй Нянь внимательно слушал.

— Когда я выходила замуж, отец, который меня очень любил, отдал мне семейную реликвию — «Черновики моления о небесной добродетели» — в качестве приданого. Рукопись сопровождала меня больше полувека. У меня нет детей, и я не хочу отдавать ее первому встречному. — Фэн Тунби посмотрела на Юй Няня с теплотой в глазах. — Ты хороший мальчик, к тому же с детства воспитывался Господином Сюнином. Поэтому я хочу передать эту вещь тебе. Сожжешь ли ты ее, сделаешь ли семейной реликвией или передашь в дар музею — после моей смерти поступай с ней так, как посчитаешь нужным.

Юй Нянь опешил. Он строил догадки о намерениях Фэн Тунби, но даже представить себе не мог, что она подарит ему «Черновики моления о небесной добродетели», стоимость которых исчислялась сотнями миллионов!

Заметив, что Юй Нянь собирается что-то возразить, Фэн Тунби мягко перебила его:

— Не говори о деньгах. У меня их предостаточно, хватит, даже если я проживу еще десять лет.

— Она улыбнулась, сложив руки на коленях в своей привычной элегантной манере.

— В детстве, слушая наставления дедушки, я запомнила его слова: цивилизация — это не какое-то абстрактное и размытое понятие. Она по крупицам собирается из древних свитков, черепков фарфора и бамбуковых дощечек. «Черновики моления о небесной добродетели» слишком долго пробыли со мной на чужбине. Пора им вернуться домой.

Юй Нянь больше не стал отказываться. Он почтительно поднялся и низко поклонился Фэн Тунби.

Фэн Тунби, с достоинством сидя на диване, приняла этот поклон.

Во время съемки для обложки журнала «V+» Мэн Юань помахал рукой перед лицом Юй Няня:

— Эй, что с тобой? Слишком устал? Почему ты эти два дня постоянно витаешь в облаках?

Юй Нянь пришел в себя:

— Все в порядке, просто задумался.

<http://bllate.org/book/18301/1757178>